

24 мая Михаилу Шолохову исполнилось бы 85 лет. Шесть лет назад великий писатель земли русской был похоронен на берегу тихого Дона в станице Вешенской. На его могиле нет ни памятника, ни надгробия. Лишь необработанная глыба гранита положена в изголовье. На ней вытесаны имя писателя и даты его рождения и смерти. И все.

Он лежит в родной донской земле, в саду за домом, в котором летом 1942 года погибла от разрыва фашистской бомбы его мать Анастасия Даниловна.

К одинокой и скромной могиле писателя идут и идут люди со всех концов земли, чтобы поклониться светлой памяти создателя величайшего художественного произведения XX века — романа «Тихий Дон». В этом романе гений писателя затронул такие глубокие пласты народной жизни, высветил такие коренные ее нравственные устои, что вокруг них и по сию пору продолжают острые литературные и политические баталии. И в этом — еще одно доказательство вечной жизни «Тихого Дона». Рискну высказать свое личное понимание места этого романа в мировом литературном процессе: если надо назвать одну книгу из русской советской литературы XX века, которая останется на века, то это как раз и будет роман «Тихий Дон».

Удивительно не то, что художественный гений жил и творил в наше время, что мы были его современниками. Удивительно то, что в условиях тоталитарного сталинского жестокого и жестокого режима, беспощадно душившего свободную мысль, Шолохов в своем творчестве сохранил внутреннюю свободу духа, раскрепощенность мысли и — что самое глав-

Сов. культура. — 1990. — 19 мая. — с. 1

Писатель века

ное — ни в чем не поступился правдой жизни.

Легко ли ему было? Но легко в те годы было только конъюнктурщикам и конформистам. Шолохов был не из их числа. Из опубликованных в последние годы материалов мы узнали о его письмах Сталину, в которых он решительно и в резких выражениях выступал против жесткого произвола, чинимого на Дону по отношению к крестьянам, против политики насилия, творцом которой и был сам Сталин.

Мы узнали также и о том, что в 1937 году сама жизнь Шолохова висела на волоске. И только преданность друзей спасла его от ареста по чудовищному обвинению в контрреволюционной деятельности на Дону. Предупрежденный друзьями, Шолохов успел уехать в Москву, добился приема у Сталина и отстоял свою свободу. Слишком крупна была фигура, слишком популярна и любима народом, чтобы посягать на нее...

Шолохов всегда оставался художником гордым и свободным. Он служил правде жизни, а не узко понимаемым классовым интересам, и в этом смысле он всегда был певцом общечеловеческих нравственных ценностей — добра, порядочности, чести, достоинства, милосердия, любви к жизни и к человеку.

Он предпочитал замолкнуть на годы, но не поступался правом свободы творчества. Именно этим, как мне кажется, только и можно объяснить почти десятилетний разрыв между третьей и четвертой книгами «Тихого Дона».

Но бывала у него и другая

реакция на попытки «подправить», «обстругать» его творчество, подогнать его под шаблон официозных идеологических мерок и стандартов. Реакция, имевшая, на мой взгляд, непоправимые последствия для нашей литературы. И не Шолохова в этом вина...

В 1969 году М. Шолохов предложил «Правде» очередную законченную главу романа «Они сражались за Родину». В главе шла речь и о репрессиях командного состава Красной Армии в 1937 году. Мне посчастливилось прочитать эту главу в первоизданном виде. В ней с потрясающей художественной проникновенностью рассказывалось о судьбе героя гражданской войны и войны в Испании генерала Александра Стрельцова, о его аресте в 1937 году по обвинению, конечно же, в шпионаже, о мытарствах его тюремной жизни. Горький спазм перехватывал горло, когда читал эпизод о первомайской демонстрации в городе Ростове, где сидели в тюрьме генерал Стрельцов и другие несправедливо арестованные. Мимо стен тюрьмы шли праздничные колонны людей, распевавшие веселые песни. И тогда арестанты в едином порыве вскочили на подоконники своих тюремных камер и мощно запели «Интернационал»... В праздничных колоннах на воле пение стало затихать, люди, слыша «Интернационал» из-за стен тюрьмы, растерянно затоптались на месте... И тогда охрана тюрьмы повернула на вышках пулеметы и хлестнула очередями по тюремным окнам...

Судьбу главы решал Сулов. Дело дошло и до Брежнева. Он долго тянул и всяче-

ски уходил от встречи с писателем. Но встреча все-таки состоялась. О чем и как шел разговор — можно только гадать. Рассказывают, что сам Шолохов в ответ на вопросы в сердцах махнул рукой и сердито передразнил: «Не сыпь соль на раны».

Шолохов уехал из Москвы.

Вскоре глава была опубликована в «Правде» без «соли»...

Многие литераторы были встревожены закулисной возней вокруг этой главы. Кто-то радовался: «Ага, и Шолохов попал в немилость», а кто-то горько переживал: «Уж если и Шолохова не пропускают, тогда чего же ждать?»

Эта «акция» нанесла тяжелую нравственную травму ранимой душе художника и подвинула его на крайний жест отчаяния.

Писатель засел в своем кабинете на втором этаже вешенского дома и стал методически, лист за листом, скидывать в камине написанные им главы «Они сражались за Родину»...

Младший сын Шолохова Михаил Михайлович с большой душевной рассказывал об этих страшных днях. С тех пор близкие писателя зовут камин в его кабинете «крематорием». На просьбы родных не жечь рукопись Шолохов реагировал жестко и непреклонно...

И никто не знает, сколько в том огне сгорело неопубликованных глав...

Так писатель выразил свой протест в ответ на бесцеремонное корежение своего труда охранителями «непорочности» отечественной истории.

Он был искренним в своих словах и поступках. Он был искренним и тогда, когда из его уст раздавались порой суждения на злобу дня, с которыми далеко не все соглашались. Ибо и в этих своих суждениях он не подлаживался ни под кого.

Что ж, он был человек, и ничто человеческое ему, как говорится, не было чуждо. В конечном счете история выносит оценки художникам исключительно только по созданным им произведениям. И в этом смысле роман М. Шолохова «Тихий Дон» занял достойное место среди шедевров мировой литературы. И, как однажды верно заметил литературовед Петр Палиевский, «...нам бы надо почаще, насколько хватит времени, к нему возвращаться».

Поистине так!

Альберт БЕЛЯЕВ.

Фото В. Руйновича.